

Глава третья. Участие США и Англии в антигитлеровской коалиции

Создание Советским Союзом предпосылок для образования антигитлеровской коалиции

В грозные годы после начала второй мировой войны Советский Союз не только укреплял свою обороноспособность, но и способствовал созданию международных условий для конечного поражения фашизма. Летом 1940 г. сложилось напряженное положение в прибалтийских странах. Усилились происки фашистской агентуры, подняла голову реакция, участились случаи нападения на советских военнослужащих, находившихся там в соответствии с договорами о взаимопомощи, заключенными осенью 1939 г. с Латвией, Литвой и Эстонией. В середине июня 1940 г. Советское правительство, указав на грубые нарушения постановлений этих договоров, потребовало пропустить на территорию Латвии, Литвы и Эстонии достаточное количество войск. 15—17 июня советские войска вступили в прибалтийские страны. 26 июня Советское правительство обратилось к Румынии, потребовав возвращения Бессарабии, захваченной румынскими боярами в 1918 г. вопреки воле ее населения. В советском заявлении также указывалось, что вопрос о возвращении Бессарабии был «органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава». Население Буковины еще в 1918 г. высказалось за воссоединение с Советской Украиной. 28 июня советские войска вступили в Бессарабию и Северную Буковину и эти области были воссоединены с Советским Союзом.

В прибалтийских странах произошла социалистическая революция, трудящиеся стали хозяевами своей страны. Народы этих стран смогли осуществить свободное волеизъявление, избрав латвийский и литовский сеймы и государственную думу Эстонии, которые провозгласили восстановление Советской власти в своих странах. Латвия, Литва и Эстония обратились к Верховному Совету СССР с просьбой о присоединении к Советскому Союзу. На сессии Верховного Совета СССР в августе 1940 г. вопрос был положительно разрешен. Латвия, Литва и Эстония стали союзными социалистическими республиками. Советская граница была продвинута на сотни километров на Запад. Действия Советского Союза вызвали известное замешательство в Берлине: выдвижение советских войск на Запад осложняло планировавшуюся войну против СССР. В то же время правительства США и Англии заявили о своем «непризнании» свободного волеизъявления народов прибалтийских стран. Золото Латвии, Литвы и Эстонии, сданное на хранение в США, было секвестрировано, были захвачены суда этих стран в портах США и Англии.

Создание «Восточного фронта» было одной из важнейших предпосылок последующего успешного ведения коалиционной войны против держав «оси». Если бы этого не было сделано, если бы этот фронт проходил по старой границе, гитлеровцы выиграли бы 200—300 километров при нападении на СССР.

Советский Союз стал могучим фактором мира на Дальнем Востоке. Пока Советский Союз не принимал участия в войне, японские милитаристы опасались идти на военные авантюры на Дальнем Востоке и Тихом океане. 20 апреля 1940 г. ТАСС опубликовал опровержение на заявления японской печати о том, что СССР ищет соглашения с Японией

любой ценой. «Эти слухи смехотворны, — говорилось в заявлении ТАСС, — так как ввиду известной обстановки на Дальнем Востоке не СССР, а именно японцы нуждаются в соглашении». Летом 1940 г., когда после разгрома Франции и оккупации Голландии дальневосточные владения этих стран оказались «бесхозным имуществом», удара Японии не последовало, хотя со всех точек зрения момент для захвата их был самым благоприятным. Генерал Д. Макартур, находившийся на Филиппинах, недоумевал: «Япония получила свой шанс после вторжения Гитлера в Голландию и разгрома Франции. Если бы тогда она нанесла удар в южном направлении, ей дешево могла бы достаться победа». Генерал-губернатор Голландской Индии (Индонезии) говорил: «Была какая-то причина, но мы ее не знаем. Японцы легко могли завоевать нашу страну в 1940 г.». Разгадка сдержанности японских милитаристов заключалась в том, что они после уроков Хасана и Халхин-Гола постоянно учитывали военную мощь Советского Союза. Один из главарей клики японских милитаристов генерал Койсо предостерегал своих единомышленников: «Осуществляя движение на юг против волков, надо остерегаться тигра с северных ворот». В результате война на Тихом океане началась по крайней мере на два года позднее, чем могло бы быть.

В период «странной войны» по вине правительств США и Англии между СССР и этими странами политические связи были сведены до минимума. Однако страшная опасность для человечества, созданная державами «оси», приводила к некоторым аналогичным выводам как в СССР, так и в Вашингтоне и Лондоне. Руководствуясь интересами своей национальной безопасности, США и Англия приняли основополагающее стратегическое решение — Германия враг № 1. Следовательно, решающий фронт второй мировой войны лежит на европейском театре. На Дальнем Востоке придется пока ограничиться обороной. 13 апреля 1941 г. Советский Союз заключил с Японией пакт о нейтралитете на 5 лет. Это решение Советского правительства соответствовало коренным интересам всех свобододлюбивых народов. Хотя СССР не мог полагаться на верность японских милитаристов своим обязательствам и был вынужден на протяжении войны держать значительные оборонительные силы на Дальнем Востоке, пакт с Японией создавал новые предпосылки для успешного ведения коалиционной войны против Германии, ибо СССР мог сосредоточить большие силы на Западе. Однако тогда мудрый шаг Советского правительства вызвал ярость в столицах обеих коалиций, разумеется по противоположным мотивам.

Гитлеровская Германия, завершавшая подготовку к войне против СССР, усиленно предостерегала Токио от какой-либо договоренности с Советским Союзом. Чтобы обеспечить внезапность нападения, Гитлер запретил предоставлять Японии какие-либо данные о «плане Барбаросса». Но когда накануне подписания пакта о ненападении японский министр иностранных дел Мацуока посетил Берлин, Риббентроп достаточно прозрачно заявил ему: «Будет лучше, имея в виду ситуацию в целом, не заводить разговоры с русскими слишком далеко... Однако одно совершенно очевидно: Германия ударит немедленно, если Россия когда-либо нападет на Японию. Я готов дать Японии эти определенные гарантии». Правительства США и Англии со своей стороны пытались отвести опасность на Дальнем Востоке от себя, толкнув Японию на войну против Советского Союза. Когда Мацуока был в Москве, американский и английский послы вручили ему послания своих правительств, отговаривая от непоправимого шага. Черчилль, указав на опасность для Японии войны с США и Англией, выразил надежду, что «будет достигнуто заметное улучшение в отношениях между Японией и двумя великими морскими державами Запада». Японское правительство дало бессодержательный ответ.

Подписание пакта о ненападении с Японией не отразилось на дружественных отношениях

СССР и Китая. Посол СССР в Китае А. С. Панюшкин разъяснил министру иностранных дел Китая, что Советское правительство проводит самостоятельную внешнюю политику и советско-японские отношения не могут отрицательно влиять на советско-китайские отношения. Даже в буржуазных кругах Китая правильно поняли позицию Советского Союза. Газета «Чайна пресс» писала: «Вновь обретенное уважение Японии к Советской России вытекает из недавних событий в районе Халхин-Гола, которые убедили японских милитаристов, что Россия — громадная военная сила, не боящаяся маленькой Японии, и что СССР не пожелает купить Дружбу с Японией ценой отказа от дружественных отношений с Китаем». Пакт о ненападении с Японией еще более укрепил позиции прогрессивных сил Китая: замыслы гоминдановцев достичь сговора с японскими милитаристами на основе антисоветской политики обанкротились.

В Европе в связи с новыми агрессивными действиями Германии Советский Союз сделал ряд предостережений. После вступления германских войск на территорию Болгарии, Советское правительство 3 марта 1941 г. заявило, что это «независимо от желания болгарского правительства ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и втягиванию в нее Болгарии». 5 апреля 1941 г. в Москве был подписан советско-югославский договор о дружбе и ненападении. Советский Союз, всего за несколько часов до гитлеровского нападения на эту страну, подчеркнул свое дружественное отношение к народам Югославии. Советское правительство понимало, что агрессия гитлеровской Германии против СССР неизбежна, и предприняло ряд шагов на международной арене, в дальнейшем имевших положительное значение для исхода войны.

США и в первую очередь Англия продолжали прилагать все усилия, чтобы вовлечь Советский Союз в войну на два фронта. Причем ради этой цели английское правительство было готово пойти далеко, руководствуясь, мягко говоря, странной логикой. Вот что говорится в «Большой стратегии»: «В конце мая (1941 г.) в Лондоне сложилось мнение, что, создав угрозу кавказской нефти, можно будет наилучшим образом оказать давление на Россию, с тем чтобы она не уступала немецким требованиям. 12 июня комитет начальников штабов решил принять меры, которые позволили бы без промедления нанести из Мосула силами средних бомбардировщиков удары по нефтеочистительным заводам Баку. 13 июня Идеи сообщил советскому послу, что в случае нападения Германии на Россию Великобритания готова направить военную миссию и в срочном порядке рассмотреть вопрос об оказании экономической помощи России». Последнее предложение необходимо было рассматривать в свете предшествовавших фактов. С одной стороны, 19 апреля 1941 г. в НКВД СССР поступило послание от Черчилля на имя И. В. Сталина о передвижении германских танковых дивизий к границам Советского Союза. Сам Черчилль говорит об этом послании: «Я написал краткое и загадочное письмо». С другой стороны, было известно, что 10 мая 1941 г. в Англию прибыл заместитель Гитлера Гесс. Цели таинственного появления Гесса на Британских островах — он выбросился на парашюте в Шотландии, — по-видимому, не получили удовлетворительного объяснения. В приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге сказано: «Улетая в Англию, Гесс вез с собой некоторые мирные предложения, которые, как он утверждал, Гитлер был готов принять. Примечательно, что этот полет произошел всего лишь через несколько дней после того, как Гитлер назначил точную дату для нападения на Советский Союз — 22 июня 1941 г.». В этих условиях осмотрительность в оценке британских заявлений Советскому Союзу была вдвойне оправдана, хотя национал-социалистическая партия официально выразила «скорбь» о том, что «этот идеалист пал жертвой собственных галлюцинаций».*(Наибольшее распространение получила следующая версия подготовки миссии Гесса: будучи преданным Гитлеру, он решил осуществить неудавшийся замысел — заключить мир с Англией. Влиятельный в верхушке нацистов «профессор» и астролог Гаусгофер рассказал Гессу, что он трижды видел во сне Гесса*

управляющим самолетом, который летит в неизвестном направлении. Куда? Конечно, в Англию! Гесс научился управлять самолетом, но к кому обратиться в Англии и с кем вести переговоры? «Кто самые влиятельные люди в Англии?»— осведомился Гесс у Гаусгофера.—«Несомненно, герцоги. А кто у них надежен?— Герцог Гамильтон, я встречал его, и он подходит для вашей цели. — Где он живет?» Достали карту Шотландии, пометили там поместье герцога Гамильтона. 10 мая Гесс выбросился на парашюте у поместья Гамильтона. Гесс был задержан и помещен под стражу, — чтобы предотвратить попытку его освобождения, его охранял батальон. С Гессом встречались представители английского правительства, которым он изложил программу мира. Гесс предложил рассматривать его как представителя Германии и назвал ряд военнопленных немецких офицеров, которые должны были составить делегацию на время переговоров. 17 мая Черчилль сообщил Рузвельту о высказываниях Гесса: «Если он говорит искренне и находится в здравом уме, то это отрадный признак плохой работы германской разведки. С ним не будут плохо обращаться, но желательно, чтобы пресса не представляла его и его авантюру в романтическом свете». В 1945 г. Гесс был предан суду во время процесса над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге и осужден к пожизненному заключению.)

Нападение гитлеровской Германии на СССР и позиции США и Англии

По крайней мере с начала 1941 г. правительства США и Англии во все возрастающей степени основывают свои стратегические планы на возможности войны между Германией и Советским Союзом. Действия германских подводных лодок в Атлантике склоняли Рузвельта и правительство США к более активному вмешательству, даже если это могло привести к вовлечению в войну. Командование американской армии на совещании 16 апреля в основном поддержало точку зрения, высказанную одним из участников совещания: «Если мы будем выжидать, то дело кончится тем, что мы останемся в одиночестве, и внутренние беспорядки могут привести к появлению коммунизма. Меня могут назвать задирой, но что-то надо делать». Было спланировано занять 22 июня 1941 г. Азорские острова, высадить морскую пехоту в Исландии, сменив там англичан. Главнокомандующий Атлантическим флотом адмирал Кинг заметил в этой связи: «Это фактически акт войны» 2 апреля Рузвельт обсудил «план № 1 обороны полушария» — американские корабли будут конвоировать английские суда в Западной Атлантике, в случае необходимости принимая решительные меры против подводных лодок. Однако с середины апреля Рузвельт внезапно круто поворачивает руль политики: экспедиция на Азорские острова отменяется, 24 апреля вступает в силу «план № 2 обороны полушария» — американские корабли патрулируют воды Атлантики только до 25° з. д. (на полпути между Америкой и Европой) и их функции ограничиваются сообщением о передвижении немецких подводных лодок.

Биограф Рузвельта Р. Шервуд пишет о «необъяснимом поведении» президента в эти месяцы: «Во время ужасного кризиса, вызванного молниеносной войной на Западе, Дюнкерком и падением Франции, он был почти одинок в своем собственном правительстве, когда принимал смелые, даже отчаянные решения. Теперь, год спустя, когда положение Великобритании снова было исключительно тяжелым, он снова был почти одинок. Однако теперь он был одинок в своем нежелании принимать решения и действовать». Рузвельт не поддержал воинственных деятелей правительства и представителей командования: он предпочитал выжидать. Белый дом получал все новую и новую информацию о сосредоточении германских войск у границ Советского Союза. И когда ночью 21 июня 1941 г. в США стало известно о нападении Германии на СССР,

первой мыслью ближайшего советника президента Г. Гопкинса было: «Проводившаяся президентом политика поддержки Великобритании действительно окупила себя. Гитлер повернул налево». Военный министр США Г. Стимсон 23 июня в меморандуме президенту сообщил мнение командования вооруженных сил о последствиях войны между СССР и Германией для США: «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России». Соединенные Штаты должны без промедления использовать эту «драгоценную передышку... прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины... Этот шаг Германии почти напоминает дар провидения». Стимсон предложил принять активные меры в Атлантике для дальнейшего оказания помощи Англии. Штаб американской армии летом 1941 г. сформулировал свое мнение таким образом: «Лучший способ помочь СССР — продолжить помощь Великобритании».

Публично правительство США на первых порах заняло весьма сдержанную позицию в соответствии с политическими планами, составленными еще до 22 июня 1941 г. 14 июня Вашингтон информировал британское правительство о политике США по отношению к СССР в случае нападения на него гитлеровской Германии. «Наша политика заключается в том, чтобы не идти на уступки Советской России, которые она может предложить с целью улучшения американо-советских отношений. Если же мы пойдем на них, то потребуем компенсаций в полном объеме». Накануне вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР — 21 июня государственный департамент докладывал правительству: «Мы должны твердо придерживаться следующего политического курса: тот факт, что Советский Союз сражается с Германией, не означает защиту им, борьбу за или согласие с принципами международных отношений, которых придерживаемся мы. Мы не должны заранее давать Советскому Союзу никаких обещаний в отношении помощи, которую мы сможем оказать в случае германо-советского конфликта, и не принимать на себя никаких обязательств в отношении нашей будущей помощи Советскому Союзу, или Германии». Официальная точка зрения правительства США о советско-германской войне была сформулирована и. о. государственного секретаря С. Уэллесом на пресс-конференции 23 июня 1941 г. «Для Соединенных Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же нетерпимы и чужды, как принципы и доктрины нацистской диктатуры, — говорил С. Уэллес.— По мнению правительства США, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорит конец нынешних гитлеровских руководителей и тем самым будет способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня — главная опасность для американского континента». 24 июня Рузвельт публично заявил, что США окажут помощь СССР. В первые недели войны между Германией и СССР правительство США на словах пришло на помощь СССР, на деле оно заняло выжидательную позицию, изменение ее зависело от хода вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

Британские правящие круги, имевшие за плечами двадцать два месяца войны, пошли дальше. 21 июня в узком кругу Черчилль беседовал о возможности войны между Германией и СССР. Он заметил, что Гитлер надеется заручиться в этой войне поддержкой правых в Англии и США и что в этом он ошибается. Англия окажет помощь СССР. Черчиллю был задан недоуменный вопрос: не означает ли это отступление от его принципов убежденного противника коммунизма. «Нисколько, — ответил Черчилль. — У меня лишь одна цель — уничтожение Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин». И в самом деле, вечером 22 июня Черчилль выступил по радио. Он начал с оговорки: «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем». И далее

британский премьер-министр сказал, что Англия окажет помощь СССР, ибо «вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он (Гитлер), несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию, прежде чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам». В Советский Союз была послана британская миссия. По предложению Советского правительства, 12 июля 1941 г. между СССР и Англией было подписано соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Стороны обязались оказывать друг другу взаимную помощь и не заключать сепаратного мира с врагом. Советско-английское соглашение послужило началом образования антигитлеровской коалиции.

Однако до окончательного оформления ее еще должно было пройти время. Против помощи Советскому Союзу и сотрудничества с ним в США и Англии выступили влиятельные реакционные силы. Советско-германская война представлялась им высшим торжеством политики «баланса сил» — видные деятели в англосаксонских странах публично призывали остаться в стороне от нее, дать Германии и СССР максимально истощить друг друга. Г. Гувер рекомендовал: поскольку СССР и Германия «сцепились в смертельной схватке... государственная мудрость требует от США остаться посторонним, внимательным наблюдателем, но вооруженным до зубов». Еще дальше пошел Г. Трумэн, настаивавший: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». Аналогичные высказывания делались и в Англии, в том числе министром авиации Мур-Брабазоном. Они вызвали бурю возмущения в английском народе, и Черчилль был вынужден уволить Мур-Брабазона в отставку. Смысл этих наглых выпадов реакционеров заключался в том, чтобы не допустить помощи СССР со стороны США и Англии. Летом 1941 г. правительство США, а в некоторой степени и Англии, практически разделяло их позицию, хотя и по другим мотивам. В Вашингтоне и Лондоне считали, что сопротивление Советских Вооруженных Сил не продлится более трех месяцев. Вооружение и снаряжение, посланное в Советский Союз, неизбежно попадет в руки гитлеровцев. В первые месяцы войны Советский Союз не получил ощутимой помощи от США и Англии. Как мимоходом замечает Черчилль в своих мемуарах: «Я прекрасно понимал, что в эти первые месяцы нашего союза мы могли сделать очень мало и старались заполнить пустоту вежливыми фразами». Укрепление антигитлеровской коалиции зависело не от доброй воли правительств США и Англии, а от успеха советского народа в борьбе против гитлеровской Германии.

Вступление Советского Союза в войну с Германией окончательно изменило характер второй мировой войны, ставшей антифашистской, освободительной. Это не могло не наложить отпечаток на политику правящих кругов Англии, США, ибо широкие народные массы требовали скорейшего нанесения поражения европейским державам «оси» активными действиями. Поскольку, однако, Англия в тот период не вела широких операций, а США вообще не принимали участия в войне, демократическая общественность решительно выступила за оказание помощи Советскому Союзу. Активную роль в этом движении как в США, так и в Англии сыграли коммунистические партии. В декларации Английской компартии в связи с нападением Германии на СССР говорилось: «Дело Советского Союза — дело трудящихся всего земного шара, дело свободы и социализма... Мы требуем солидарности с социалистическим Советским Союзом». Американские коммунисты, учитывая политическую обстановку в стране, призывали: «Давайте защитим Америку оказанием всесторонней помощи Советскому Союзу, Великобритании и всем народам, сражающимся против Гитлера».

21 июля Рузвельт отдает первое указание о продаже вооружения и военных материалов Советскому Союзу — до конца октября (начало действий ленд-лиза в отношении СССР) было продано вооружения и военных материалов на 41 млн. долларов. 16 августа правительство Англии предоставило кредит СССР в размере 10 млн. фунтов стерлингов. Это было ничтожной каплей по сравнению с потребностями, вызванными войной с Германией. Размеры помощи, по-прежнему ограничивала затянувшаяся дискуссия о сроках сопротивления Советского Союза. Американские и английские штабы все еще предсказывали победу Германии над Советским Союзом в три месяца. Рузвельт был «оптимистом» — он отодвигал этот срок до 1 октября.

В конце июля Рузвельт направляет в Советский Союз своего ближайшего советника Гопкинса для ознакомления с обстановкой на месте. Гопкинс 30—31 июля вел в Москве переговоры с Советским правительством. Здесь, в столице Советского Союза, посланец Рузвельта убедился в огромной мощи нашего государства. В докладе Рузвельту Гопкинс писал: «Я очень уверен в отношении этого фронта... Здесь существует безусловная решимость победить». Позднее, свидетельствует Шервуд, Гопкинс высказывал «чрезвычайное раздражение по адресу военных наблюдателей в Москве, когда они присылали по телеграфу пессимистические доклады, которые могли основываться только на догадках и предубеждении». Гопкинс обещал, что США и Англия окажут Советскому Союзу помощь, но предупредил, что она не поможет поступить «в оставшееся до плохой погоды время». Прямым следствием миссии Гопкинса явилось официальное сообщение государственного департамента советскому послу в США 2 августа 1941 г. о продлении на год советско-американского торгового соглашения 1937 г. В американской ноте указывалось, что США «решили оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии... (так как это) соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов».

Однако предоставление помощи из США, даже за наличный расчет, по-прежнему затягивалось, указания президента на этот счет фактически игнорировались. В правительстве США тем временем обсуждался вопрос, что следует запросить с Советского Союза за помощь. На заседании правительства «зашел разговор о золотых запасах, которые могут иметь русские...— записывает в дневнике Икес.— Мы, по-видимому, стремимся к тому, чтобы русские передали нам все свое золото, которое пойдет в погашение за поставки товаров, пока не будет исчерпано. С этого момента мы применим к России закон о ленд-лизе». 24 августа 1941 г. конгресс ассигновал очередные 5 млрд. долларов на осуществление ленд-лиза. Советский Союз был исключен из числа государств — получателей помощи. Орган монополистического капитала США газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «оказывать» помощь Советскому Союзу значит «бросать вызов нравственности». А в это время советский народ в кровопролитной борьбе защищал интересы всего человечества. Командование германского флота, видевшее возраставшее участие американских кораблей в патрулировании Атлантики, настаивало, чтобы было разрешено атаковать их. Гитлер категорически запретил, приказав избегать любых инцидентов с США до выяснения перспектив войны с Советским Союзом. Так советские солдаты спасли жизни моряков невоевавших Соединенных Штатов.

Атлантическая хартия

Вступление Советского Союза в войну с Германией означало начало заката европейских держав «оси». В самом начале войны Советский Союз в отличие от своих союзников ясно сформулировал цели освободительной борьбы. Они были указаны в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня, которая по поручению Центрального Комитета была изложена и развита в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. «Целью этой всенародной

отечественной войны против фашистских угнетателей, — говорил И. В. Сталин, — является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма... Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера».

Что касается Англии, воевавшей два года, и США, правительство которых объявило себя сторонником противников Гитлера, то официально они не выдвинули целей войны. Теперь было решено поправить этот промах и разработать собственную политическую программу. Это было сделано на первой конференции Рузвельта и Черчилля, которая состоялась 9—12 августа 1941 г. на борту американских и британских кораблей в гавани Арджентия (Ньюфаундленд).

14 августа правительства США и Англии огласили декларацию, состоящую из 8 пунктов, которая получила название «Атлантической хартии». Это был весьма расплывчатый по содержанию документ. Его основные положения сводились к следующему: руководители США и Англии заявили, что они будут добиваться окончательного уничтожения нацистской тирании, они не стремятся к территориальным или иным приобретениям, но не согласятся на территориальные изменения, которые не находятся в соответствии со свободно выраженной волей соответствующих народов. Рузвельт и Черчилль заявили об уважении США и Англией права народов избирать форму правления по собственному желанию, о необходимости дать всем странам доступ на равных основаниях к торговле и мировым источникам сырья и о том, что после уничтожения нацистской тирании люди должны жить, не зная страха и нужды. Наконец, в Атлантической хартии содержались широкообъемные декларации о послевоенном периоде — обеспечение «свободы морей», отказ государств от применения силы и избавление народов от бремени вооружений. На бумаге, таким образом, был изложен ряд демократических принципов, но все зависело от того смысла, который вкладывали в Атлантическую хартию правящие круги США и Англии.

Послевоенный мир, по мнению Рузвельта, должен был быть американско-английским. Черчилль предложил упомянуть в Атлантической хартии о создании международной организации после войны. Рузвельт воспротивился, указав, что «не будет поддерживать создание новой ассамблеи Лиги Наций, во всяком случае он не будет делать этого некоторое время, пока международные полицейские силы, созданные США и Великобританией, не получат возможности действовать». Черчилль на конференции отстаивал интересы британского империализма, — ссылки на свободу морей и равные возможности, на которых настаивали США, предвещали наступление американских монополий на позиции Англии. Американцы дали понять своим английским партнерам, что они не являются «добрыми дядюшками» и поддерживают Британскую империю отнюдь не для того, чтобы вернуть её старым владельцам. Гопкинс, участвовавший в конференции, констатировал: «Первые признаки разрыва между союзниками по послевоенным вопросам имели место не между СССР и западными державами, а между США и Британией по вопросу о самой Атлантической хартии». По возвращении в Англию Черчилль поторопился заверить правящие круги Великобритании, что Атлантическая хартия не подрывает основы ее колониального господства. Выступая в палате общин 9 сентября 1941 г., он подчеркнул: «...Декларация ни в какой степени не меняет различных политических заявлений, делавшихся время от времени относительно конституционного правления в Индии, Бирме или в других частях Британской империи».

Британские начальники штабов изложили на конференции свои стратегические планы,

которые исходили из того, что против Германии следует усилить блокаду, воздушную и морскую войну, но не начинать широких операций на суше, пока не сломлена воля противника к борьбе. «Мы не намерены, — указали британские военные, — создавать огромные пехотные армии, подобные тем, что были в 1914—1918 гг. Силы, которые мы применим, будут состоять из бронетанковых дивизий с самой современной техникой. В дополнение к ним надо тайно вооружить и снарядить местных патриотов, чтобы в нужный момент они могли поднять восстание». Американские начальники штабов уклонились от обсуждения военных вопросов. Хотя политически британская стратегия отвечала задачам истощения Германии и СССР, с военной точки зрения она приобретала смысл в том случае, если основное бремя сухопутных операций в коалиционной войне нес Советский Союз. Это в свою очередь неизбежно поднимало вопрос о материальной помощи Советским Вооруженным Силам. Было решено провести в Москве трехстороннее совещание о совместном использовании экономических ресурсов государств — противников держав «оси». Советское правительство согласилось на созыв такого совещания.

24 сентября на межсоюзной конференции в Лондоне Советский Союз присоединился к Атлантической хартии, оговорив, что практическое применение ее принципов «неизбежно должно будет соотноситься с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны». В этот крайне тяжелый период войны Советское правительство подчеркнуло верность ленинским принципам внешней политики. В отличие от расплывчатых формулировок Атлантической хартии в советской декларации от 24 сентября указывалось: «Советский Союз в своей внешней политике руководствовался и руководствуется принципом самоопределения наций... Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания всей страны». Таким образом, Советское правительство ясно заявило, что оно не поддерживает колониальной политики империалистических держав. Если составители Атлантической хартии носились с планами американско-английского господства в мире, то советская декларация предлагала основывать международные отношения на системе «коллективных действий против агрессоров».

Присоединение Советского Союза к Атлантической хартии усилило демократический характер провозглашенных принципов, сковало маневры реакционных сил в США и Англии.

Московская конференция 1941 г.

К осени 1941 г. стал очевиден провал гитлеровских планов «молниеносной» войны против Советского Союза, на советско-германском фронте предстояли длительные и тяжелые сражения. В борьбу втягивались все силы Германии и Советского Союза. Английское правительство сделало из этого надлежащие выводы: коль скоро на Востоке перемалываются силы врага, что снимает угрозу Великобритании, необходимо оказывать помощь Советскому Союзу на иных основаниях, чем ранее предусмотренный наличный расчет. 6 сентября британское правительство сообщило Советскому правительству, что Англия будет оказывать помощь СССР на условиях, аналогичных американскому ленд-лизу.

Советское правительство уже 3 сентября поставило вопрос об открытии «второго фронта» в Европе, что дало бы возможность оттянуть с советско-германского фронта 30—40

вражеских дивизий. Из Лондона поступил отказ. 13 сентября И. В. Сталин пишет Черчиллю: «Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25—30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь». И это предложение было отклонено. Черчилль разъяснил мотивы этой позиции британскому послу в Москве Криппсу. В телеграмме от 5 сентября он пишет: «Ничто из того, что мы могли бы сделать сейчас или в прошлом не могло бы повлиять на ужасное сражение на русском фронте». И в другой телеграмме несколько спустя: «обвинения, что мы готовы «сражаться до последнего русского солдата», на меня совершенно не действуют... Но было бы глупо посылать в виде символической жертвы две или три английские или англо-индийские дивизии в глубь России для того, чтобы их окружили и искрошили там. У России никогда не было недостатка в людских ресурсах, и сейчас у нее имеются миллионы обученных солдат, для которых требуется современное вооружение». Едва ли есть необходимость морализировать по поводу действий Англии в коалиционной войне, государственная «мудрость» Черчилля определялась давней британской политикой воевать чужими руками. В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму» приводил слова Бисмарка о том, что «Англия в войне употребляла европейские государства как «отличную пехоту».(*В. И. Ленин, Тетради по империализму, стр. 69,*)

29 сентября — 1 октября в Москве состоялась конференция представителей СССР, США и Англии. 1 октября было подписано трехстороннее соглашение — протокол о поставках. США и Англия обязались направлять Советскому Союзу ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, автомашины, алюминий и некоторые другие виды военных материалов. Американский представитель Гарриман от имени США и Англии подтвердил «получение от Советского правительства крупных поставок советских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения в наших странах».

30 октября США открыли Советскому Союзу кредит в 1 млрд. долларов. 7 ноября Рузвельт распространил закон о ленд-лизе на Советский Союз, сообщив администратору по ленд-лизу: «Сегодня я выяснил, что оборона СССР важна для обороны Соединенных Штатов». С 22 июня прошло уже почти пять месяцев. До конца 1941 г. американские поставки по ленд-лизу составили 545 тыс. долларов, или 0,1% от всех поставок по ленд-лизу. Между тем, как писал начальник штаба американской армии генерал Маршалл, в 1941 г. «решающим фактором для страны было время... Советский Союз купил... это время для нас ценою своей крови и отваги».

Разработка «программы победы» в США

Черчилль был готов воевать «до последнего русского солдата», по ту сторону Атлантики президент неволевавших Соединенных Штатов вынашивал более широкие планы. Биограф Рузвельта Шервуд писал, сравнивая своего кумира с Черчиллем: «Если кого-нибудь из них можно было назвать последователем Макиавелли, то скорее всего Рузвельта». У Рузвельта был большой простор для действия, ибо за ним стояла несоразмерно большая мощь первой страны капитализма. Уже полгода претворялся в жизнь ленд-лиз. «Деньги, истраченные на ленд-лиз, — писал Г. Трумэн, — безусловно спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи». Разве нельзя подчинить всю стратегию США схеме ленд-лиза — остаться в стороне и накапливать силы, пока другие сражаются? Рузвельт высказался в пользу этого в документах, направленных им в конце лета и ранней осенью 1941 года командованию вооруженных сил. На взгляд президента, политика

«Арсенал демократии» отвечала этой цели.

30 августа Рузвельт писал: «Ресурсы военной экономики США и их союзников в достаточной степени превосходят имеющиеся у держав оси, что само по себе обеспечивает поражение последних». Американский генералитет немедленно поставил под сомнение как исходные посылки, так и всю аргументацию президента. Начальник оперативного управления штаба армии генерал Джероу раздраженно заметил: «Было бы глупо предполагать, что мы можем побить Германию простым превышением продукции». Штабы предложили искать путь к победе по другой формуле: сначала уяснить цели, затем рассчитать количество войск, необходимое для их достижения, а только после этого заняться установлением масштабов военного производства. Суммируя мнение командования вооруженных сил, Г. Стимсон подчеркнул, что оно диаметрально противоположно политике «Арсенал демократии». Командование считает, что «необходимо быстрее, если не немедленно», схватиться с Германией, а не ограничиваться нынешней политикой «предоставления вооружения, военных материалов, транспорта и помощи военно-морским флотом». Профессиональные военные, подчеркивал Стимсон, считают, «что без вступления в войну США Великобритания и ее союзники не могут разбить Германию, а сопротивление Британских островов не может быть бес-конечным вне зависимости от того, насколько нам удастся развить свою военную экономику».

Точка зрения командования вооруженных сил основывалась на оценке предполагаемого хода войны в Европе. Считалось, что военная мощь Германии будет убывать в связи с войной против СССР до середины 1942 г., к этому сроку Советский Союз «станет практически бессильным». Тогда Германия вновь начнет наращивать свою мощь и к середине 1943 г. станет непобедимой, что создаст смертельную угрозу для американского континента. Поэтому необходимо без промедления спасти самих себя, что может быть достигнуто только вступлением Соединенных Штатов в войну. В кардинально важном документе «Мнение объединенного комитета относительно общей производственной программы Соединенных Штатов», датированном 11 сентября 1941 г., который был подписан генералом Маршаллом и адмиралом Старком, утверждалось: «Половинчатый мир между Германией и ее нынешними активными военными противниками, очевидно, дал бы Германии возможность реорганизовать континентальную Европу и пополнить свои силы. Даже в том случае, если Британское содружество наций и Россия потерпели бы полное поражение, у Соединенных Штатов имелись бы серьезные основания продолжать войну против Германии, несмотря на значительно возросшую трудность достижения полной победы. Отсюда следует, что основной стратегический метод, который следует применить Соединенным Штатам в ближайшем будущем, должен заключаться в том, чтобы материально поддержать нынешние военные операции против Германии и усилить их путем активного участия Соединенных Штатов в войне и в то же время держать Японию в узде ожидания дальнейшего развития событий».

Американские штабы, назвав свои наметки «программой победы», предлагали создать армию в 215 дивизий, из них 61 танковых, общей численностью в 8,8 млн. человек. В указанном документе от 11 сентября говорилось: «Мы должны быть готовы воевать с Германией, вступив в боевое соприкосновение с ее силами и решительным образом сломив ее волю к борьбе. Авиация и флот внесут свой важный вклад, однако для того чтобы сблизиться с врагом и уничтожить его в собственной цитадели, нужны эффективные и достаточные наземные силы». Командование американских вооруженных сил намечало такие конечные цели войны для США: «Сохранение территориальной, экономической и идеологической целостности Соединенных Штатов и остальной части западного полушария, предотвращение распада Британской империи, предотвращение дальнейшего расширения территориального господства Японии, создание в конечном

счете в Европе и Азии баланса сил, который вернее всего обеспечит политическую стабильность в этих районах и будущую безопасность Соединенных Штатов». Эта программа не могла удовлетворить политических руководителей США, с их точки зрения, узость военного мышления наложила отпечаток как на рекомендуемые цели, так и на пути их достижения. Монополистические круги США открыто заявили о своих претензиях на мировое господство, (*Председатель Национальной промышленной конференции США В. Джордан, например, говорил 10 декабря 1940 г.: «Каков бы ни был исход войны, Америка в международных делах и во всех других аспектах жизни вступила на путь империализма Скипетр переходит к Соединенным Штатам»*) а генералитет после окончания войны видел прежний мир, но без угрозы Америке. Следовательно, политические цели не подходили. В военном отношении правящие круги США следовали политике «баланса сил», что предусматривало сохранение собственных сил, а профессиональные военные настаивали на ударе в лоб — бросить многомиллионную американскую армию на нацистскую цитадель. «Программа победы» не получала полностью одобрения правительства, только ее отдельные компоненты начали претворяться в жизнь.

Было дано указание по-прежнему вести подготовку к войне, но как? Стратегические расчеты вообще, констатировал генерал Джероу, основывались на «довольно туманной государственной политике, еще не было ясно, в какой мере наше правительство намеревалось связать себя обязательствами в отношении использования вооруженных сил». На совещании в Белом доме 22 сентября 1941 г., во время которого обсуждалась «Программа победы», было решено с марта 1942 г. большую часть вооружения передавать союзникам, что само по себе делало нереальным строительство армии в размере 215 дивизий. Решение это соответствовало политике «Арсенал демократии». Правительство США собиралось воевать чужими руками. Естественно, цели американского правительства не предавались широкой огласке, даже высшему военному командованию США оставалось лишь гадать о политическом курсе собственного правительства. Рассмотрев весь комплекс вопросов, связанных с «Программой победы», американские военные историки Р. Лейтон и Р. Коакли пишут в одном из томов 96-томной официальной истории участия армии США в войне: «Накануне Перл-Харбора перспективы заключались в том, что вкладом Америки в войну будет оружие, а не армии». Политическим деятелям Вашингтона для обеспечения такого развития событий оставалось решить последнюю задачу, как остаться в стороне, если вспыхнет вооруженный конфликт на Дальнем Востоке и Тихом океане?

Обострение отношений США и Англии с Японией

Еще в сентябре 1940 г. Япония захватила северную часть Французского Индокитая. Направление японской агрессии в сторону южных морей встревожило Вашингтон и Лондон. США ответили наложением 26 сентября 1940 г. эмбарго на вывоз в Японию некоторых видов стратегического сырья, в первую очередь железа и металлического лома. Затем последовало постепенное лицензирование американского и английского экспорта в Японию. Меры эти не имели ощутимых экономических последствий для Японии, однако они свидетельствовали о нарастающем напряжении в ее отношениях с США и Англией. Японские милитаристы усилили проникновение в Таиланд и к марту 1941 г. в значительной степени укрепили свои позиции в этой стране. Одновременно они начали шантажировать голландские власти в Индонезии, помогая далеко идущих экономических уступок. Японское правительство не скрывало, что его цель — создание «великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания». Претензии Японии на монопольное господство не только в Китае, но и во всей Юго-Восточной Азии серьезно

ущемляли империалистические интересы США и Англии.

Япония лихорадочными темпами готовилась к «большой войне». Операции в Китае, хотя и занявшие значительные ресурсы Японки, в планах японских милитаристов занимали подчиненное место: в декабре 1939 г. японское правительство отдало директиву — на войну в Китае разрешалось тратить не более 20% остродефицитных материалов и не свыше 40% военного бюджета.

Агрессивная война всегда была главным компонентом японской внешней политики. В Токио дискутировался вопрос не о принципе — осуществить агрессивные замыслы японских милитаристов вооруженной рукой, а о сроках. Предстояло, однако, наметить очередность среди противников. «Антикоминтерновский пакт» и давняя вражда японских милитаристов, казалось, указывали на первоочередной объект для нападения — Советский Союз. Японский министр иностранных дел Мацуока сразу же после 22 июня 1941 г. явился к императору и заявил: «Прежде всего нападение на Советский Союз. Войны с США следует избежать, но в случае вступления Америки в войну Японии придется воевать и с ней». Из Берлина настойчиво разъясняли истинные интересы Японии, приглашая японских милитаристов встать под знамена германских крестоносцев и отправиться в поход против коммунизма. 10 июля Риббентроп напомнил японскому правительству: «Наша цель остается прежней: пожать руку Японии на Транссибирской железной дороге еще до начала зимы». Рука была протянута.

В Токио, однако, решили поразмыслить, а не бросаться очертя голову в огонь войны против Советского Союза. 2 июля на совещании у императора было принято решение: «Хотя наше отношение к советско-германской войне определяется духом оси Рим — Берлин — Токио, однако мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры к тайному вооружению и для войны против Советского Союза... Если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот, то мы применим оружие». Квантунская армия была увеличена до 1 млн. человек, к ней насчитывалось тысяча танков и полторы тысячи самолетов. На совещании 2 июля было решено одновременно подготовить удар на юге — захватить южную часть Индо-Китая. Двойственный характер решений совещания у императора был порожден сомнениями, все еще терзавшими токийских политиков, — где нанести основной удар: на Севере или на Юге. Без большой задержки сверхсекретные японские решения стали известны в Вашингтоне: в конце 1940 г. американцы сумели раскрыть японский «розовый» код и дешифровали перехваченные радиogramмы Токио. Уже 5 июля штаб армии США ориентирует американских командующих на местах: мы пришли к «безошибочному выводу», что Япония вступит в войну в самом ближайшем будущем. Ее наиболее вероятный образ действия: «пакт о нейтралитете с Россией аннулируется», следует нападение на советский Дальний Восток в конце июля или «когда рухнет сопротивление в европейской России».

Здесь ключ ко всем последующим событиям, единственное удовлетворительное объяснение того факта, почему Японии спустя полгода удалось застать врасплох Соединенные Штаты. Дело заключалось в том, что решения совещания у императора 2 июля исходили из той посылки, которая была аксиомой и для государственных деятелей США, — Советский Союз продержится против Германии максимум три месяца. В Вашингтоне была правильно схвачена и прослежена логическая связь наиболее вероятных действий Японии в зависимости от обстановки на советско-германском фронте. Ошибка американских руководителей, имевшая роковые последствия для Соединенных Штатов, явилась не промахом суждения о последствиях, а была вызвана посылкой, принятой за аксиому последующих умозаключений, — пессимистической оценкой в способности

Советского Союза выстоять в борьбе с гитлеровской агрессией. В Токио в конечном итоге оказались более гибкими, чем в Вашингтоне, — там сумели вовремя отбросить неоправдавшиеся надежды. Соединенные Штаты, находившиеся в одном лагере с Советским Союзом, оказались менее зоркими и проглядели переориентировку непосредственных агрессивных целей Японии. Таким образом, можно с достаточными основаниями утверждать, что правительство США само навлекло беду на собственную страну. Японские милитаристы оказались ближе к истине в оценке сил Советского Союза, чем руководители американской политики.

Соединенные Штаты в эти критические месяцы строили свои отношения с Японией так, чтобы не оказаться в войне с ней, но толкнуть японских милитаристов на Советский Союз. 24 июля Япония захватила южный Индо-Китай. США ответили наложением секвестра на японские фонды и практически прекратили торговлю с Японией. Английское и нидерландское правительства, опасавшиеся за судьбу своих владений, поспешили последовать примеру Соединенных Штатов. Черчилль, решивший, что наконец американское правительство заняло твердую позицию, предложил Рузвельту совместно предупредить Японию, что дальнейшее продвижение вызовет войну. Однако в Лондоне не поняли игры американского правительства, в расчеты которого вовсе не входило ссориться с Японией. Рузвельт категорически отклонил английское предложение. Своим советникам президент объяснил: «Черчилль неисправим. Он хочет, чтобы эта война закончилась как другие, — расширением империи. Теперь его больше всего пугает Восток — судьба Гонконга, Малайи, Индии и Бирмы. Я вновь и вновь был вынужден отказать в его просьбах принять угрожающие меры против Японии, ибо я стараюсь избежать нападения на нас». Действия президента и государственного департамента в это время приобрели столь сложный и непостижимый на первый взгляд характер, что их не понимали не только союзники США, но и члены американского правительства, непосредственно не связанные с ведением внешних дел. Рузвельт отменил распоряжение министра внутренних дел Икеса о наложении эмбарго на экспорт нефти в Японию. Обиженный министр подал в отставку, Рузвельт не принял ее.

Вопрос о поставках нефти в Японию имел решающее значение для агрессора: полное прекращение их ставило японское правительство перед дилеммой — либо немедленно начать войну (мобилизационных запасов хватало для боевых операций на год с небольшим), либо вообще отказаться от нее. Завладеть нефтяными промыслами Япония могла только в Индонезии. Генерал Маршалл и адмирал Старк заявили президенту: «Эмбарго на нефть по всей вероятности вызовет в ближайшем будущем нападение Японии на Малайю и Голландскую Индию. Если США суждено воевать на Тихом океане, то действия, могущие привести к войне, следует отложить до тех пор, пока Япония не будет связана боевыми действиями в Сибири». Так считали командующие вооруженными силами США в июле 1941 г., 5 ноября они уточнили свою точку зрения, представив правительству меморандум с перечислением поводов для войны. В качестве таковых в нем упоминалось нападение Японии на американские, английские, голландские владения на Дальнем Востоке или Тихом океане, а также на английские доминионы. «Нападение на Россию, — писали они, — не оправдывает вмешательства Соединенных Штатов». *(США, однако, едва ли подняли бы оружие, если бы японская агрессия не затронула американские владения. Черчилль замечает по этому поводу: «Крупные государственные деятели Америки, окружавшие президента и пользовавшиеся его доверием, не менее остро, чем я, сознавали грозную опасность (подчеркнуто мною. — Н. Я.) того, что Япония нападет на английские и голландские владения на Дальнем Востоке и будет тщательно обходить Соединенные Штаты и что вследствие этого конгресс не даст санкции на объявление войны Америкой».)*

Итак, в Вашингтоне считали самым разумным для Японии войну с Советским Союзом, оставалось разъяснить это Токио и убедить японское правительство. Сложилась парадоксальная картина — американская интерпретация национальных интересов Японии целиком совпала с германской, хотя исходила из иных соображений. Токио подвергается двойному нажиму — из Вашингтона и Берлина. Гитлеровцы назойливо твердили одно и то же — Япония упускает удобный момент. Американская политика носила куда более сложный характер: в конечном счете США заявили о поддержке Советского Союза в войне против Германии. В начале октября, наконец, накладывается эмбарго на экспорт нефти в Японию. Принимая эту меру, американское правительство знало, что война на пороге. Осенью 1941 г. американо-японские переговоры, которые начались в Вашингтоне еще в апреле, вступили в решающую стадию. В ходе их Япония настаивала на признании ее господствующего положения в Юго-Восточной Азии и Китае. Консервативные элементы в японских правящих кругах надеялись вырвать у США одним шантажом и угрозами. Этими деятелями возглавлял премьер-министр Коноэ, сформировавший свое правительство 19 июля 1941 г., которое было прозвано в Японии «правительством японо-американских переговоров». Помимо переговоров в Вашингтоне, по инициативе Коноэ, японская сторона предложила организовать встречу глав правительств Японии и США на Гавайских островах. 2 октября США отклонили предложение о встрече глав правительств, заявив, что ее условием должно быть предварительное разъяснение Японией своего отношения к Тройственному пакту, целей пребывания японских войск в Китае и отношении к «равным возможностям» в международной торговле. Правительство Коноэ, настаивавшее, что можно добиться удовлетворения требований Японии переговорами, потеряло лицо в глазах милитаристов. 18 октября к власти пришло правительство оголтелой военщины, возглавляемое Тодзио. В Вашингтоне хорошо запомнили, что Тодзио в 1931 — 1935 гг. занимал командные посты в Квантунской армии, т. е. был связан со сторонниками северного направления агрессии. Не было учтено, однако, что Тодзио лучше, чем кто-либо другой, понимал трудности войны с Советским Союзом.

5 ноября на совещании у японского императора было принято решение: крайний срок переговоров с США 25 ноября (позднее продлен до 29 ноября). Если США не уступят японскому нажиму, тогда — война. 20 ноября японские представители в Вашингтоне вручили последние предложения американскому правительству. Япония и США обязуются не производить «вооруженное продвижение» в северо-восточной Азии и южной части Тихого океана, они совместно эксплуатируют экономические ресурсы Голландской Индии, американское правительство содействует в установлении «мира» между Японией и Китаем, но американо-японские экономические отношения восстанавливаются в полном объеме. В шифрованных радиограммах Токио в японское посольство в Вашингтоне неоднократно указывалось, что если до 29 ноября эти предложения не будут приняты, события «будут развиваться автоматически». Американское правительство из расшифрованных японских радиограмм было полностью в курсе этой установки еще до вручения предложений от 20 ноября. В Вашингтоне состоялась серия совещаний правительства с представителями командования американских вооруженных сил. Последние категорически настаивали не прерывать переговоров с Японией, так как США не будут готовы к войне на Дальнем Востоке и Тихом океане раньше весны 1942 г. 25 ноября было окончательно решено ответить Японии уклончиво, предложив «модус вивенди», чтобы выиграть время для завершения военных приготовлений. Американские военные ушли с совещания удовлетворенными — они были убеждены, что все преимущества на стороне Соединенных Штатов. Однако на другой день правительство приняло противоположное решение.

Вступление США в войну

Оценивая обстановку в эти дни, военный министр США Г. Стимсон говорил: «Проблема заключалась в том, каким образом мы можем заставить японцев сделать первый выстрел, но не причинив слишком много ущерба нам самим. Это был трудный вопрос». 26 ноября государственный секретарь Хэлл вручил японским представителям ответ, носивший характер ультиматума. Американское правительство требовало от Японии вывода всех войск из Китая и Индо-Китая, признания только чун-цинского правительства Чан Кай-ши, заключения многостороннего пакта о ненападении с США, Англией, Китаем, Голландской Индией и СССР. Только после этого американо-японские экономические отношения будут восстановлены. Иными словами, Соединенные Штаты настаивали, чтобы Япония по собственной воле отказалась от всех захватов, сделанных за десятилетие — с 1931 г. Правительство Рузвельта прямыми угрозами поддержало доктрину «открытых дверей». Просмотрев американский ответ, японский представитель заметил: нам «в таком случае не остается ничего другого, как поднять руки». Командование американских вооруженных сил узнало о повороте на 180° в политике США не от собственного правительства, а из перехваченной и расшифрованной японской радиограммы, в которой излагался ультиматум от 26 ноября.

Мотивы его предъявления, равно как и события последующих десяти дней, не получили в США удовлетворительного объяснения. *(Расследованием внезапности нападения на Перл-Харбор в США занимались восемь различных официальных комиссий, которые, однако, так и не пролили свет на ряд загадочных обстоятельств. Только объединенная комиссия конгресса США, работавшая в 1946 г., издала 40 больших томов показаний и документов. По сей день в США продолжается яростный спор об американской внешней политике в канун войны. Буржуазные историки разбились на три группы: первая, получившая название «придворных историков», утверждает, что США не несут ответственности за войну, злонамеренные агрессоры напали на миролюбивые Соединенные Штаты. Вторая группа, так называемая «ревизионистская школа», отстаивает противоположное мнение: США проводили провокационную политику, заставив Японию совершить первое нападение, а чтобы сплотить американский народ, Тихоокеанский флот США на базе в Перл-Харборе был оставлен без предупреждения о неминуемой войне и сознательно подставлен под удар. Наконец, последняя группа, в нее входят авторитетные буржуазные историки, считает, что вопрос едва ли когда-нибудь будет выяснен, и не высказывает своего мнения. Партийная борьба между республиканской и демократической партиями также наложила отпечаток на распри в кругах американских историков.)*

Почему американское правительство, зная о намерении Японии открыть боевые действия, не предупредило Тихоокеанский флот США, находившийся на Гавайских островах, что повлекло за собой катастрофу в Перл-Харборе? Ответ дает общее направление американской внешней политики. Еще в 1920 г. В. И. Ленин указывал: «Война между Японией и Америкой уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаково разбойны». В 1941 г. правительство США сознательно форсировало события, стремясь разжечь войну на Дальнем Востоке и Тихом океане, однако самоуверенные политики в Вашингтоне никак не предполагали, что война может начаться с нападения Японии на сами Соединенные Штаты. 16 октября, после падения кабинета Коноэ, командующие американскими флотами были предупреждены из Вашингтона: «Самое вероятное — война между Японией и Россией. Поскольку, однако, в Японии винят США и Англию за ее нынешнее отчаянное положение, существует также

возможность нападения на эти две державы». Последующие оценки американского командования, вплоть до 29 ноября, указывали, что наиболее вероятный образ действия Японии — нападение на Советский Союз. Направив 26 ноября ультиматум Японии, американское правительство было убеждено, что это вызовет войну, но не с США.

1 декабря на совещании у японского императора было решено начать войну 8 декабря. Для нападения на Перл-Харбор, где базировался американский тихоокеанский флот, было выделено оперативное соединение, которое вышло в море из баз на Курильских островах еще 26 ноября и находилось в море в ожидании боевого приказа. На первой стадии войны, до нападения на Советский Союз, отложенного на весну 1942 г., планировалось захватить страны южных морей с их обширными ресурсами стратегического сырья и нейтрализовать американский флот на Гавайских островах. Оборонительный периметр Японии предстояло провести по линии, соединяющей Курильские и Маршалловы острова (включая о. Уэйк), архипелаг Бисмарка, острова Тимор, Ява, Суматра и далее, включая Малайю и Бирму. Но в разгар предстоявших боевых действий на юге, японский флот должен был быть готов развернуть свои силы и отказаться от шести из семи больших операций, которыми достигались указанные цели «в случае вступления в войну России». Продвижение на юг осуществлялось силами флота, авиации и морской пехоты, многомиллионная японская армия оставалась в Северо-Восточном Китае и в метрополии наготове для войны против Советского Союза.

Вечером 6 декабря в Вашингтоне была перехвачена и расшифрована японская нота — ответ на американский ультиматум 26 ноября. Хотя в пространном документе прямо не говорилось об объявлении войны, весь его смысл и указание точного часа вручения — 1 час дня 7 декабря говорили сами за себя. В 21.30 6 декабря (по вашингтонскому времени) японская нота была доставлена Рузвельту. Прочитав ее, президент заметил: «Это — война». Гопкинс согласился с ним. Однако почему не были немедленно подняты по тревоге американская армия и флот, в первую очередь в угрожаемых районах — на Тихом океане? Ответа на этот вопрос так и не дали многочисленные комиссии, расследовавшие обстоятельства нападения на Перл-Харбор. Во всяком случае, вечером 6 декабря в Белом доме было решено не посылать никаких предупреждений, так как командующий ВМС США адмирал Старк был на спектакле в театре и вызов его мог быть замечен и вызвать недоумение. Так, во всяком случае, гласит официальная версия. Утром 7 декабря состоялось совещание у начальника штаба армии генерала Маршалла, на котором решили послать телеграмму на Филиппины, Гавайские острова, западное побережье США и в Панаму, гласившую: «В час дня Япония должна предъявить документ, по существу равносильный ультиматуму». На Гавайских островах телеграмма была расшифрована через 8 часов после Перл-Харбора.

Командующий тихоокеанским флотом США адмирал Ким мель, которого сделали козлом отпущения за катастрофу в Перл-Харборе, писал впоследствии: «Предупреждение генерала Джорджа С. Маршалла, с запозданием посланное в 11.52 по вашингтонскому времени — в 6.22 по гавайскому времени в воскресенье 7 декабря, было направлено через обычное гражданские каналы связи, без указания на срочность, в то время как у него на столе стоял телефон прямой связи со штабом генерала, командовавшего гарнизоном на Гавайях! Командующий флотом адмирал Гарольд С. Старк даже не попытался передать мне сообщение о перехвате японских телеграмм или предупреждения через в высшей степени надежные и быстро действующие каналы связи флота, которые можно было использовать и для передачи предупреждения Маршалла. По этим каналам не было никакой задержки в передаче сообщений между Вашингтоном и Перл-Харбором. Пока передавалась телеграмма» Маршалла, в моем штабе была получена пустяковая телеграмма, расшифрованная и переданная по назначению менее чем через час после

отправки из Вашингтона. Срочная телеграмма была бы передана, расшифрована и вручена менее чем в полчаса. Бездеятельность как военного, так и морского министерств, несомненно, объяснялась политической установкой высоких сфер, ибо офицеры этих министерств как до, так и после Перл-Харбора доказали, что они не были небрежными, неспособными или некомпетентными. Конечно, один, другой среди них мог ошибаться, но не все же сразу и одновременно. Военное и морское министерства ответственны за информацию командующих и отдачу им приказов. Эти ведомства прямо подчинены только президенту США. Нельзя поверить, чтобы оба ведомства, зарекомендовавшие себя надежностью в работе и знаниями, могли во время такого кризиса одновременно совершать подобные ошибки».

Пока продолжалась неразбериха в Вашингтоне и на Гавайских островах, японское оперативное соединение, основой которого были шесть новейших авианосцев, выходило для удара по Перл-Харбору, примерно в 200 милях к северу от Гавайских островов. На мачте флагманского корабля была поднята реликвия японского флота — флаг, который нес корабль адмирала Того в Цусимском сражении. В предрассветном сумраке 7 декабря авианосцы развернулись против ветра и набрали ход. В 6.00 первая волна японских самолетов поднялась в воздух и взяла курс на Перл-Харбор. За ней последовали другие. Всего в нападении участвовало 360 самолетов. А тем временем в Перл-Харбор пытались пробраться японские подводные лодки. Атака была назначена на 7.50 — время, когда экипажи кораблей садились завтракать. В гавани борт о борт стояло 8 линейных кораблей, 9 крейсеров и 20 эсминцев. Везде царил мирный дух. Не поколебало его сообщение патрульного эсминца о том, что у входа в гавань замечена и атакована неизвестная подводная лодка. На базе была установлена новинка — радиолокационная установка. Обычно она кончала работу в 7 утра, но 7 декабря ее использовали для тренировки молодого солдата. В 7.02 в 137 милях от Перл-Харбора была замечена большая группа самолетов. На всякий случай позвонили офицеру — дежурному по базе; тот заявил, что не следует тревожить его по пустякам. За маневрами самолетов в учебных целях следили до 7.45, пока они не оказались в 20 милях от Перл-Харбора, затем выключили установку и отправились в казармы.

Японских летчиков, вынырнувших из облаков, изумила обстановка на базе. Один из них вспоминает: «Внизу я увидел весь тихоокеанский флот США, и расположение кораблей превзошло все мои ожидания. Я видел весь немецкий флот в Киле, я видел французские линкоры в Бресте. Наконец, я часто видел наши корабли, собранные для показа их императору. Но я никогда не видел кораблей, которые бы даже в мирное время находились на расстоянии 500—1000 метров друг от друга. Военно-морской флот всегда должен быть настороже, так как никогда не исключена возможность внезапного нападения. Но то, что я увидел внизу, — это непостижимо. Разве американцы никогда не слышали о Порт-Артуре?» Атака продолжалась около двух часов, в результате 4 линкора были потоплены, 4 серьезно повреждены. Всего было уничтожено или выведено из строя 19 кораблей. Американская авиация потеряла 188 самолетов, главным образом на земле. Погибло свыше 3 тыс. американцев. Японцы заплатили ничтожную цену — 29 самолетов. Перл-Харбор не утратил своего значения как база. Главное — в гавани не оказалось американских авианосцев, они случайно задержались из-за шторма в море и не прибыли к моменту нападения. Японцы даже не попытались захватить Гавайские острова, хотя офицеры оперативного соединения, опьяненные успехом, настаивали на этом. Но был отдан приказ возвращаться. Капитан Футида, ведущий первой волны в атаке на Перл-Харбор, объясняет: «Когда принималось решение о проведении операции, мы вовсе не были уверены в успехе. В то время мы чувствовали себя так, как если бы нам предстояло выдергивать перья из хвоста орла, и, естественно, захват Гавайских островов не входил в

наши планы».

В 2.20 по вашингтонскому времени японские представители явились к Хэллу и вручили ему ноту, содержание которой расшифрованное накануне, он уже знал. Хэллу сообщили, что японская авиация бомбит Перл-Харбор. Престарелый государственный секретарь произнес слова, рассчитанные на историков: «За все пятьдесят лет моей государственной деятельности я никогда еще не видел документа, наполненного большим количеством лжи и гнусных извращений». Гнев Хэлла понятен — правительство США могло винить только себя. Через 6 часов после нападения на Перл-Харбор американские командующие на Тихом океане получили приказ из Вашингтона вести боевые действия против Японии, не считаясь с нормами международного права. Американские подводные лодки вышли в море топить все, что держится на плаву и несет японский флаг. 8 декабря Рузвельт выступил на объединенном заседании обеих палат конгресса. Он потребовал с 7 декабря, со «дня, который войдет в историю как символ позора», объявить войну Японии. Конгресс принял соответствующую резолюцию.

Одновременно с ударом по Перл-Харбору японцы напали на британские владения на Дальнем Востоке — Малайю, Гонконг и на Голландскую Индию. Великобритания и ее доминионы объявили войну Японии. Рузвельт по трансатлантическому телефону обрадовал Черчилля: «Теперь мы связаны одной веревочкой». Да, но как с Италией и Германией? С ними Англия воевала, а США остались ее невоюющим союзником. Развязка наступила в ближайшие дни, и хотя она была неизбежна, американское правительство постаралось сохранить свою «хорошую репутацию». Еще в середине 1941 г. Рузвельт как-то писал Черчиллю: «Возможно, что я никогда не объявлю войну, а просто начну ее. Если бы я попросил конгресс объявить войну, то споры по этому поводу могли бы затянуться там на три месяца». Осенью 1941 г. в Атлантике уже шла необъявленная война американского флота с подводными лодками европейских держав «оси». 11 сентября Рузвельт публично предостерег: «при появлении в американской зоне патрулирования «гремучих змей Атлантики» — германских и итальянских подводных лодок их будут топить без предупреждения. Гитлер тем не менее подтвердил приказ авиации и флоту — «до середины октября» избегать инцидентов с США. Тем не менее в октябре два американских эсминца, следившие за германскими подводными лодками и вызывавшие по радио английские корабли, были торпедированы, один из них пошел ко дну. Погибло 126 американских моряков. Рузвельт торжественно заявил: «Обмен выстрелами начался. И история зафиксировала, кто сделал первый выстрел». В ноябре закон о «нейтралитете» был вновь изменен — американские торговые суда отныне могли нести вооружение и доставлять грузы прямо в британские порты.

Когда в Белом доме готовилось послание Рузвельта конгрессу с просьбой объявить войну Японии, его советники настаивали, чтобы США одновременно объявили войну Германии и Италии. Президент отказался. Из расшифрованных японских документов он уже знал об обещании Германии и Италии объявить войну США совместно с Японией. 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам. В ноте, состряпанной гитлеровскими дипломатами, упоминалась речь Рузвельта 11 сентября, инциденты с американскими эсминцами и делался вывод: «Обстановка, созданная президентом Рузвельтом», вынуждает Германию объявить войну США. Формулировка не была случайной формально нота была адресована правительству, фактически — «изоляционистам». Гитлеровцы надеялись вызвать внутренний раскол в Соединенных Штатах.

Победа под Москвой и окончательное

оформление антигитлеровской коалиции.

Начало войны на Тихом океане почти совпало с переходом в наступление советских армий под Москвой. Разгром гитлеровских дивизий на подступах к столице Советского Союза оказал огромное воздействие на весь мир. Был развеян миф о «непобедимости» вермахта. В странах Европы, находившихся под игом нацистской оккупации, увидели свет с Востока. Сокрушительный удар Советских Вооруженных Сил под Москвой убедительным образом показал, что в коалиционной войне против европейских держав «оси» они способны не только успешно держать оборону, но и вести широкое наступление. Известия с советско-германского фронта вдохнули бодрость в сердца миллионов людей, хотя впереди еще предстояли тяжкие бои. В гитлеровской Германии потерпела крах военная доктрина «молниеносной войны» — генералам, под водительством которых вермахт захватил множество европейских стран, оказалось не под силу руководство боевыми действиями против СССР. Гитлер разогнал высшее военное командование и назначил себя главнокомандующим.

Английское правительство в оценке перспектив войны, переданной от 16 декабря 1941 г., заключало:

«В настоящий момент фактом первостепенной важности в ходе войны является провал планов Гитлера и его потери в России. Теперь же вместо предполагавшейся быстрой и легкой победы ему предстоит в течение всей зимы выдерживать кровопролитные бои... Ни Великобритании, ни Соединенным Штатам не придется играть какую-либо роль в этом деле, за исключением того, что мы должны обеспечить точную и своевременную отправку обещанных нами материалов». Последний призыв относился к США, само английское правительство материально не торопилось помогать Советскому Союзу, оправдывая это многочисленными «обязательствами» на различных театрах войны. Более того, английское правительство настаивало: «Что нам действительно повредит — это создание огромной десятиmillionной американской армии, которая в течение по крайней мере двух лет, пока будет проходить обучение, будет поглощать все наличные запасы и оставаться в бездействии, охраняя американский континент». Черчилль и его влиятельные единомышленники в США стремились вести войну русской кровью и американским оружием. Однако после Перл-Харбора поставки по ленд-лизу, далеко не достигнув общественного уровня, были вообще прекращены по настоянию американского командования. Потребовалось вмешательство Рузвельта. 28 декабря он пишет Стимсону: «Вся программа помощи России жизненно важна для наших интересов, и я считаю, что только самые серьезные причины могут заставить вас рекомендовать новую задержку обещанных поставок по ленд-лизу».

1 января 1942 г. в Вашингтоне была подписана «Декларация 26 государств». США, Англия, СССР, Китай и каждое из государств, поставивших свои подписи под документом, подтверждали верность Атлантической хартии и обязывались «употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это правительство находится в войне». Государства, образовавшие Объединенные Нации, обязывались сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира с врагом. Декларация Объединенных Наций явилась формальным завершением образования антигитлеровской коалиции. Однако основное бремя войны по-прежнему нес Советский Союз. Как признал Рузвельт 6 мая 1942 г.: «С точки зрения большой стратегии этой весной и летом трудно указать на какой-либо иной факт, кроме самого простого: русские армии убивают больше солдат держав «оси» и уничтожают больше фашистской военной техники, чем все остальные 25

Объединенных Наций, вместе взятые». Народные массы во всех странах антигитлеровской коалиции приветствовали героическую борьбу Советского Союза. В официальных заявлениях правительств США и Англии также не было недостатка в высоких оценках роли СССР в войне. Еще бы! В руководящих кругах Запада тешили себя надеждами, что тяжелые жертвы народов СССР в интересах всего человечества неизбежно ослабят нашу страну, что даст возможность США и Англии продиктовать свою волю лежащему в развалинах миру.

США, Англия и «второй фронт»

22 декабря 1941 г.— 14 января 1942 г. в Вашингтоне состоялось совещание Рузвельта и Черчилля совместно с начальниками штабов. Военные дела обсуждались, естественно, за закрытыми дверями, а Черчилль изложил символ веры англо-американцев публично на объединенном заседании обеих палат конгресса. По словам Черчилля, у него, когда он готовился к выступлению, «появилось ощущение, — что я недостойный, призван послужить выполнению свыше предначертанного плана». Американскому конгрессу британский премьер сообщил 26 декабря: «Надо быть душевно слепым, чтобы не видеть, что здесь, на земле, осуществляется какая-то великая цель и какой-то великий план и мы имеем честь быть их верными исполнителями... В грядущие дни английский и американский народы, в интересах собственной безопасности и ко всеобщему благу, будут шагать рука об руку, исполненные величия». Итак, поход за мировое господство англо-саксов объяснялся «промыслом божьим».

На совещании была подтверждена стратегия: Германия — враг № 1, хотя «изоляционисты» подняли оглушительную кампанию, требуя перенести центр военных усилий США на Тихий океан. Начальники штабов США и Англии считали, что основные посылки, приведшие к принятию плана «АВС-1», остались в силе, а вступление в войну СССР и США дало дополнительные аргументы в их пользу. С одной стороны, указывает видный американский военный историк С. Морисон: «Если бы Германия разгромила Россию и получила ее людские и материальные ресурсы, она бы стала почти непобедимой», с другой — настаивали американские штабы, хотя общая боевая мощь Германии и ее са'теллитов в Европе превосходила имеющуюся у Японии, последняя была все же сильнее европейских держав «оси», ибо еще не вела войны с Советским Союзом. Иными словами, с Японией нужно было воевать собственными руками, а именно этого и старались избежать как США, так и Великобритания. Европейский и тихоокеанский театры военных действий в англо-американской стратегии связывала только проблема распределения ресурсов. Разграничив таким образом оба театра, англо-американские стратеги наметили план ведения войны против Германии. Было решено замыкать и стягивать «кольцо вокруг Германии» по «линии, проходящей приблизительно через Архангельск, Черное море, Анатолию, северное побережье Средиземного моря и западное побережье Европы». В меморандуме совещания англо-американских штабов 13 января 1942 г. было записано, что «первостепенное стратегическое значение в Атлантической зоне» будет иметь занятие территории «дружественной Французской Северной Африки».

Решения эти определялись политическими соображениями, так называемой стратегией «непрямых действий» — ведение операций на второстепенных театрах, занятие важных плацдармов с тем, чтобы нанести решающий удар со свежими силами, когда два основных противника — Германия и Советский Союз достаточно истощат друг друга. На конференции в Вашингтоне был создан и совместный высший орган военного руководства — Исполнительный комитет начальников штабов США и Англии, который в марте 1942 г. был преобразован, по предложению Рузвельта, в Объединенный комитет начальников штабов. *(Этот орган просуществовал до 1949 г., когда после образования*

агрессивного Североатлантического пакта его функции взяли на себя соответствующие комитеты в рамках НАТО.) Английский вице-маршал авиации Э. Кингстон-Макклори отмечает: «Так как этот объединенный комитет находился на территории США, его деятельность, несомненно, была более выгодна Америке». США и Англия распределили ответственность за различные театры военных действий: Атлантика была признана зоной совместной ответственности, Средний Восток — английской, на Тихом океане и в Китае руководство взяли на себя США, оставив на долю англичан второстепенный участок театра военных действий — Бирму.

Хотя катастрофа на Тихом океане и Дальнем Востоке была подготовлена руками американских политиков, стремившихся толкнуть Японию на Советский Союз и неожиданно оказавшихся в собственной западне, правящие круги США и Англии попытались выправить создавшееся положение, добившись вступления СССР в войну против Японии. Они настаивали, чтобы Советское правительство провело меры, которые неминуемо вызвали бы войну между Японией и СССР, как-то: дать разрешение на посылку американских бомбардировщиков на Дальний Восток, а также приглашали советских представителей принять участие в совещании в Чунцине совместно с США, Англией и Китаем. Советское правительство дало должный ответ на эти предложения Соединенных Штатов. (Так, 13 января 1943 г. И. В. Сталин писал Ф. Рузвельту: «Что касается посылки бомбардировочных авиачастей на Дальний Восток, то я уже разъяснял в предыдущих посланиях, что нам нужны не авиачасти, а самолеты без летчиков, так как своих собственных летчиков у нас более чем достаточно. Это — во-первых. А во-вторых, нам нужна Ваша помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не находится в состоянии войны, а на советско-германском фронте, где нужда в авиационной помощи особенно остра. Ваше предложение о том, чтобы генерал Брэдли инспектировал русские) военные объекты на Дальнем Востоке и в других частях СССР, вызывает недоумение. Вполне понятно, что русские военные объекты могут быть инспектируемы только русской инспекцией, так же как американские военные объекты могут быть инспектируемы только американской инспекцией. В этой области не могут быть допущены никакие неясности») Дальневосточные границы нашей страны защищали советские армии; там оставалось до 40 советских дивизий.

Оборонительное сосредоточение Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке имело огромное значение для хода войны на Тихом океане. 12 января 1942 г. между европейскими державами «оси» и Японией было заключено соглашение о размежевании сфер операций по 70° в. д., т. е. разграничительная линия проходила несколько восточнее Уральского хребта, вдоль западной границы Индии и южнее, через Индийский океан. Соединение сил агрессоров где-то в районе этой линии в Индии или Индийском океане было бы чревато неисчислимыми последствиями для Объединенных Наций. Командование японского флота весной 1942 г. предложило захватить о. Цейлон, установить господство в воздухе над Индийским океаном и соединиться с германскими войсками на Ближнем Востоке. План был отвергнут на совещании у императора в марте 1942 г. — командование японской армии заявило, что оно не даст ни одного солдата для его выполнения, так как армия должна быть готова к войне против СССР. С другой стороны, гитлеровцы также не смогли осуществить продвижения на Ближний Восток, так как были скованы в Советском Союзе. Так, не воевавший с Японией Советский Союз предотвратил японское продвижение в Индию и на Ближний Восток.

К весне 1942 г. американские штабы, по-прежнему пессимистически оценивавшие перспективы на советско-германском фронте, в интересах самосохранения Америки стали настаивать на широкой англо-американской операции в Северо-Западной Франции уже в этом году. 6 марта 1942 г. командование американской армии пришло к выводу, что

необходимо со второй половины июля начать воздушное наступление на Германию, за которым через шесть недель должен последовать удар наземных сил через Ла-Манш. Предлагалось разгромить гитлеровские войска в районе Кале-Аппрас — Сен-Кантен—Суассон—Париж—Довиль и превратить этот район в базу для дальнейших операций. Учитывая, что армия США еще не была развернута, американское командование считало, что «основную массу войск вначале придется дать англичанам». Решение об открытии второго фронта в 1942 г. было здравым с военной точки зрения: центром войны была Германия, а кратчайшее оперативно-стратегическое направление к Берлину лежало через Северо-Западную Францию. Широкие народные массы в США и Англии не только поддержали бы открытие второго фронта, но настойчиво требовали его. Рузвельт, ощущая силу этого давления, писал Черчиллю в апреле 1942 г.: «Ваш и мой народы требуют создания фронта для того, чтобы ослабить давление на русских, и эти народы достаточно осведомлены, чтобы видеть, что русские сегодня убивают больше немцев и уничтожают больше вражеского снаряжения, чем мы с вами, вместе взятые». Командование армии США, настаивая на высадке во Франции в 1942 г., преследовало и другую цель: широкая подготовка такой операции неизбежно парализовала бы настойчивые требования, исходившие от американских командующих на Тихом океане — генерала Макатура и адмирала Нимица, перенести центр тяжести военных усилий на войну с Японией. Это не только подорвало бы основополагающую стратегию: Германия — враг № 1, но явилось бы бессмысленной растратой остродефицитного военного снаряжения. Для одинакового контингента войск на Тихом океане требовалось в два-три раза больше судов, чем в Европе.

В апреле 1942 г. в Англию прибыла американская миссия во главе с Гопкинсом и Маршаллом. Американцы настаивали на открытии второго фронта, указывая, что к 1 апреля 1943 г. на европейском континенте будут действовать 30 американских и 18 британских дивизий и соответственно 3000 и 2500 самолетов.

Американское правительство считало возможным организовать высадку во Франции уже осенью 1942 г., указав в меморандуме, переданном англичанам: «Возможно, что это придется осуществить в качестве чрезвычайной меры либо а) с целью использовать неожиданный крах Германии, либо б) «в порядке жертвы», чтобы предотвратить неизбежное крушение русского сопротивления». Хотя английское правительство дало согласие, оно не было искренним. Разработка планов открытия второго фронта началась, но одновременно углубились противоречия между стратегией США и Англии. Как замечает проф. С. Морисон, американское командование «стояло за массированное наступление против центра врага, англичане — за последовательные удары по периферии, чтобы обескровить противника до смерти, как шакалы терзают льва со всех сторон, перед тем как схватить его за горло... Однако мыши могут доставлять слону беспокойство, но и тысяча мышей не в состоянии убить его». Главное, однако, заключалось не в этом — конечное решение о высадке в Европе зависело от хода борьбы на советско-германском фронте. Открытие активных боевых действий на континенте Европы, на чем настаивал американский генералитет, преследовало цель не оказания помощи нашей стране, а обуславливалось боязнью остаться лицом к лицу с фашистскими агрессорами, если бы Советский Союз потерпел поражение. Так обстояло дело в 1942 г.

Договор между СССР и Англией о союзе. Советско-американское соглашение 11 июня 1942 г.

26 мая 1942 года в Лондоне был заключен договор между СССР и Англией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны». Стороны обязались оказывать друг другу взаимную помощь в войне. Статьи договора, посвященные послевоенному периоду, предусматривали сотрудничество СССР и Англии в деле сохранения безопасности и экономического процветания в Европе, взаимопомощи в случае нападения Германии или объединившейся с ней страны. Важное значение имела 7-я статья, гласившая: «Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны». Договор заключался сроком на 20 лет. (7 мая 1955 г. Советское правительство аннулировало этот договор в связи с грубым нарушением его условий Великобританией.)

Во время пребывания в Лондоне советская правительственная делегация поставила вопрос о сроках открытия «второго фронта». Английское правительство, хотя и подчеркивало трудности операции, тем не менее дало заверение, что делается все возможное для подготовки вторжения. Из Лондона советская делегация прибыла в Вашингтон, где в конце мая в Белом доме вопрос о втором фронте обсуждался с Рузвельтом и высшими военными руководителями США. Советская делегация сделала обзор положения на советско-германском фронте и задала вопрос, может ли СССР рассчитывать на активные действия англо-американцев для отвлечения 40 гитлеровских дивизий из СССР. В американской записи беседы далее сказано: «После этого президент спросил генерала Маршалла, достаточно ли ясно ему положение дел и можем ли мы сказать Сталину, что мы готовим второй фронт. «Да»,—ответил генерал. Рузвельт уполномочил советскую делегацию сообщить Москве о том, что второй фронт будет открыт в 1942 г. 12 июня 1942 г. были опубликованы англосоветское и советско-американское коммюнике. В обоих документах содержалось аналогичное торжественное обязательство США и Англии Советскому Союзу: «Была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.»

Ссылаясь на это обязательство, правительство Соединенных Штатов значительно урезало объем предполагавшихся поставок по ленд-лизу Советскому Союзу. Первоначально планировалось отправить в 1943 г. 8 млн. тонн груза. Затем эта цифра была снижена до 4,1 млн. тонн. Рузвельт объяснял советской делегации, что «мы надеемся создать второй фронт в 1942 году, но с каждым судном, которое мы можем отправить англичанам, второй фронт становится ближе к своему осуществлению. Ведь, в конце концов, суда не могут быть одновременно в двух местах и, стало быть, каждая тонна, которую мы можем сэкономить из 4100 тысяч тонн, соответственно улучшит положение дел». Рузвельт указал далее, что общий объем поставок составит не более 2,5 млн. тонн.

Во второй протокол о поставках по настоянию англо-американцев была включена расплывчатая формулировка о том, что «любая такая программа в конечном итоге носит только предварительный характер и может быть изменена в связи с непредвиденными обстоятельствами, вызванными войной, как в отношении объема самих поставок, так и в отношении транспортных возможностей». Как известно, второй фронт не был открыт ни в 1942 г., ни в 1943 г., а поставки по ленд-лизу, даже урезанные в связи с торжественными обещаниями вторжения в Европу в 1942 г., также не были выполнены.

11 июня 1942 г. в Вашингтоне было подписано соглашение между США и СССР «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Такие соглашения Соединенные Штаты подписывали со всеми странами, получавшими помощь по ленд-лизу. В преамбуле указывалось, что помощь Советскому Союзу оказывается, так

как «президент Соединенных Штатов Америки решил, в развитие акта конгресса от 11 марта 1941 года, что оборона Союза Советских Социалистических Республик против агрессии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов Америки». В соглашении определялся порядок оказания взаимной помощи в годы войны, а в отношении послевоенного периода по статье 7-й стороны обязались «содействовать взаимно выгодным экономическим отношениям между ними и улучшению мировых экономических отношений, к уничтожению всех форм дискриминации в международной торговле». Это соглашение явилось важной вехой в развитии советско-американских отношений не только во время войны, но предусматривало сотрудничество между СССР и США в послевоенный период. Советское правительство рассматривало его как имеющее предварительный характер, заложившее только основу для будущего соглашения между СССР и США.

Отказ от открытия «второго фронта». Высадка в Северной Африке

Хотя летнее наступление гитлеровских войск на советско-германском фронте в 1942 г. привело к глубоким прорывам, ход вооруженной борьбы предвещал длительную кампанию, в которую с обеих сторон были втянуты крупные силы. Геббельсовская пропаганда доказывала, что фашистские армии добились решающих успехов. Гитлер подстегивал своих генералов, требуя захватить Сталинград и Кавказ, чтобы нанести последний удар Советскому Союзу. Уже предполагалось направить горно-стрелковые соединения через Кавказ в Индию. Однако успехи Германии были лишь миражом. Хотя в конце августа гитлеровские солдаты водрузили флаг со свастикой на Эльбрусе, завязали бои у Сталинграда, кризис фашизма неуклонно назревал. В сентябре были сняты со своих постов Гальдер и фельдмаршал Лист, командовавший германской группой войск «А», продвигавшейся на юге. Несмотря на то, что, воспользовавшись отсутствием второго фронта на Западе, гитлеровцы сосредоточили почти все свои силы против СССР, наступление захлебывалось.

Летом 1942 г. Советский Союз в одиночестве выносил всю тяжесть войны против Германии. На первое июля 1942 г. на советско-германском фронте вели боевые действия 239 гитлеровских дивизий и 5 бригад, или 76,3% всей сухопутной армии Германии, не считая многих десятков дивизий ее сателлитов. Против английских войск в Египте воевали 3 германские дивизии, или 1,2%. Еще 54 германские дивизии находились в оккупированных странах Европы, однако эти части сплошь и рядом существовали только на бумаге. Командующий гитлеровскими войсками во Франции Рундштедт отмечал: «Часто мне сообщали о предстоящем прибытии новой дивизии во Францию прямо из России, или Норвегии, или Центральной Германии. Когда дивизия прибывала, то выяснялось, что весь ее личный состав ограничивался командиром дивизии, начальником медслужбы и пятью хлебопеками». Однако европейские державы «оси», действуя незначительными силами в Северной Африке сумели поставить английские войска на грань поражения: германский командующий

Роммель, начав наступление в мае 1942 г., наголову разбил превосходившие его силы англичан и в конце июня отбросил их к Эль-Аламейну, в ста с небольшим километрах от Александрии. Суэцкий канал вновь оказался под угрозой, и англичане подумывали о том, чтобы отойти от Эль-Аламейна к дельте Нила, опасаясь полного разгрома в пустыне. Войска Роммеля, однако, не двинулись вперед. Почему? Кейтель показывал после войны: «Одна из величайших наших возможностей была упущена у Эль-Аламейна. На мой взгляд, в этом кульминационном пункте войны мы были ближе к победе, чем когда бы то

ни было. Требовалось очень немного, чтобы захватить Александрию и пойти на Суэцкий канал и Палестину. Однако мы просто не были сильны в этом пункте в результате распыления нашей мощи, вызванного в первую очередь войной против России». Масштабы боевых операций в Северной Африке видны из тех потерь, которые оказались достаточными, чтобы остановить последнее, «решительное» наступление Роммеля в сентябре 1942 г., — 570 человек убито, потеряно 50 танков, 15 полевых и 35" противотанковых орудий. (Для сравнения укажем на путь одной только германской дивизии, которая в это время участвовала в боях под Сталинградом. Ее командир Корфес рассказывал: «Моя дивизия насчитывала 12600 человек, когда мы перешли Донец; 10 тысяч человек осталось после того, как она форсировала Дон; 8 тысяч было, когда она пробилась к Сталинграду, и около 2500 человек попало в русский плен 31 января 1942 г.»)

На фоне грандиозных сражений на советско-германском фронте в Вашингтоне и Лондоне вновь развернулась дискуссия о целесообразности открытия второго фронта в 1942 г. По состоянию на 1 июля 1942 г. в боевых действиях принимали участие всего 142/3 британских дивизий (10 в Африке и 42/3 — против Японии), на Дальнем Востоке воевало 8 американских дивизий, всего англо-американцы ввели в дело 23 дивизии. Это была небольшая часть военных ресурсов США и Англии. В 1942 г. Англия располагала 99 дивизиями, из них 45 находились в метрополии. США имели 73 дивизии. Всего 172 дивизии. Следовательно, 23 действовавшие дивизии составляли что-то около 15% вооруженных сил США и Англии. На Западе летом 1942 г. Германия располагала 27—33 стационарными дивизиями (не имевшими транспорта, отправленного на советско-германский фронт). Из них 15 дивизий находились на восстановлении после разгрома советскими войсками. Нельзя поэтому объяснять бездействие США и Англии ни недостатком сил, ни мощью врага. Ни первого, ни второго не было. Позицию Черчилля и его американских единомышленников определяли только политические соображения.

Британский премьер-министр первым среди руководителей США и Англии понял, что летняя кампания

1942 г. не принесет решающих успехов Германии и «спасать» Советский Союз не придется. Свою позицию, одобренную 8 июня английским правительством, Черчилль сформулировал лаконично: «Никаких крупных десантных операций во Франции, если немцы не будут деморализованы поражением в России». Эту точку зрения Черчилль отстаивал в переговорах с американцами в Вашингтоне в конце июня и в конце июля в Лондоне. Споры были длительными и ожесточенными, разногласия проявились не только между правительствами, но и между военными и политическими деятелями. Американские командующие настаивали: «Если немцы схватят за горло русскую армию, то никакие булабочные уколы не отвлекут их от поставленной цели. И чем дальше от нацистской цитадели будут проводиться такого рода операции, тем меньшие результаты они дадут». Решающая схватка между англичанами и американцами произошла на совещании в Лондоне 22 июля. Американские представители Маршалл и Кинг заявили после него: «Во время дебатов, происходивших до 22 июля, не произошло ничего такого, что могло бы изменить наше твердое убеждение, что Великобритания является единственным районом, откуда все силы союзников могут быть брошены против нашего основного противника — Германии». Черчилль стоял на своем, предлагая заменить «второй фронт» во Франции высадкой в Северной Африке. 23 июля он получил поддержку Рузвельта. Военные были вынуждены отступить. О вторжении в 1942 г. не приходилось и думать, что касается 1943 г., то американские начальники штабов констатировали в меморандуме президенту: «Итак, советские победы, а не неминуемое

поражение Советов, становятся решающей предпосылкой вторжения в 1943 г.».

Черчилль заявлял, что высадка союзников в Северной Африке, зашифрованная под символическим названием «Факел», поможет Советскому Союзу, но на крайний случай все же нужно проследить, чтобы можно было нанести удар через Ла-Манш в 1942 г. Американские военные историки Р. Лейтон и Р. Коакли замечают в этой связи: «Возвышенная риторика Черчилля маскировала неразрешимую загадку. Если «Факелу» было суждено ослабить давление на Россию, тогда операция должна быть большой. Если же следовало провести ее так, чтобы не нанести «смертельного ущерба» возможности высадки в 1942 г., тогда ее надлежало проводить небольшими силами». Действительно, с точки зрения военной логики позиция Черчилля выглядела абсурдом, но она всецело определялась политическими мотивами — пусть Германия и СССР максимально ослабят друг друга, в то время как англо-американцы сохраняют свои силы и займут важные стратегические плацдармы. 25 июля США и Англия приняли окончательное решение о высадке в Северной Африке. Правительству США оказалось необходимым объяснить крутой поворот своей политики: в отличие от англичан, которые обставили свое согласие на вторжение в 1942 г. различными оговорками, Рузвельт дал ясное обещание Советскому Союзу открыть второй фронт в 1942 г. Президент избрал гибкую формулировку, он сообщил Черчиллю и своим командующим, что заверения, сделанные советской делегации в Белом доме, «имели цель лишь обнадежить Советское правительство». Черчилль вызвался посетить Москву и дать там объяснения. Его сопровождал американский представитель А. Гарриман.

12 августа в Москве Черчилль сообщил Советскому правительству об отказе открыть второй фронт в Европе в 1942 г. Объяснения британского премьера не были убедительными. И. В. Сталин в меморандуме Черчиллю 13 августа указал: «Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные возможности для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил». В ответ Черчилль уподобил захваченную Гитлером Европу огромному крокодилу и даже изобразил его на клочке бумаги. С помощью рисунка, он объяснил, как англо-американцы собираются ударить в его мягкое брюхо, т. е. с юга. В меморандуме Советскому правительству 14 августа Черчилль указал: «Мы собираемся провозгласить «Факел», когда он начнется как второй фронт». Вероломное нарушение США и Англией своих обязательств поставило Советский Союз в тяжелое положение, ибо советское командование в своих расчетах на осеннюю и зимнюю кампании 1942 г. учитывало, что второй фронт будет открыт в этом году. Уже в сентябре английское правительство принимает решение отказаться от проводки транспортов в северные порты Советского Союза. Но как сообщить об этом Советскому правительству после недавних заверений о «помощи»? Черчилль ищет совета президента. 22 сентября он пишет ему: «Меня постоянно беспокоит Россия, я просто не знаю, как мы сможем примирить с нашей совестью и нашими интересами приостановку отправки конвоев в Россию до 1943 г., отсутствие каких-либо предложений с нашей стороны составить совместные планы для проведения операции «Юпитер» (вторжение в Норвегию. — Я. Я.) и тот факт, что нет никаких признаков проведения нами наступления в Европе весной, летом и даже осенью 1943 г.». В ответ Рузвельт посоветовал одно — тянуть «до последней минуты» с сообщением Советскому Союзу об отказе в дальнейшей отправке конвоев северным путем. В октябре Советское правительство ставит вопрос о доставке в СССР ежемесячно по 800 боевых самолетов из США и Англии. Заявка СССР не удовлетворяется, в переписке с Советским правительством Рузвельт и Черчилль умалчивают об этом вопросе. В октября в Москву поступают два послания: Черчилль сообщает о приостановке конвоев северным путем до 1943 г., Рузвельт пишет:

«Доблестная оборона Сталинграда глубоко взволновала в Америке всех, и мы уверены в ее успехе». 16 октября Рузвельт пишет И. В. Сталину: «Я отдал распоряжение не щадить никаких усилий в целях полного обеспечения наших маршрутов судами и грузами». А вот итоги, подведенные после войны американскими историками Р. Лейтоном и Р. Коакли: самолеты «были именно той частью его (И. В. Сталина) заявок, которую американцы как раз не хотели удовлетворить». Маршалл даже предложил сократить количество самолетов, отправлявшихся из США в СССР с 212 до 100 в месяц. И далее общий вывод Р. Лейтона и Р. Коакли: «Когда решалась судьба великого сражения под Сталинградом, поставки из Соединенных Штатов далеко не достигли обещанного по второму протоколу. К концу ноября было отправлено 840000 тонн груза против 1608000, намеченных по плану». Это написано не в прогрессивном издании, а в соответствующем томе официальной истории участия армии США в войне, которое выпускается в свет Пентагоном.

Сосредоточение подавляющей части германских вооруженных сил против Советского Союза позволило англо-американцам приступить к активным боевым действиям в Северной Африке. Первый удар был нанесен в Египте у Эль-Аламейна. Против незначительного по боевой мощи немецкого «Африканского корпуса» и итальянской группировки англичане собрали большие силы. В Египет были доставлены новейшие американские истребители-бомбардировщики и танки. Германским командующим на месте было очевидно, что без подкреплений разгром неминуем. Роммель настойчиво требовал доставить в Африку самолеты и танки. Однако из Берлина следовали только обещания, ибо все резервы забирал советско-германский фронт. Гитлеровцы по необходимости рассматривали североафриканский театр как второстепенный, для англо-американцев он стал основным по доброй воле. Результаты не замедлили сказаться.

В ночь с 23 на 24 октября 1942 г. английские войска под командованием Монтгомери перешли в наступление у Эль-Аламейна. Однако, несмотря на подавляющее превосходство в силах (зам. командующего «Африканским корпусом» генерал Тома жаловался: против 1200 самолетов противника у меня был «всего десяток самолетов»), успех обозначился не сразу. Потребовалось больше десяти дней, чтобы сломить сопротивление германо-итальянской группировки. Исход дела решило не воинское мастерство Монтгомери, а полное истощение ресурсов у гитлеровцев. Роммель так и не получил многократно обещанной помощи из Германии. На 500 снарядов английской артиллерии гитлеровцы могли отвечать только одним. Вместо поставок военной техники и боеприпасов 3 ноября в штабе Роммеля была получена телеграмма Гитлера: «Как часто случалось в истории человечества, железная воля возьмет верх над превосходством противника в живой силе. У ваших войск один выход: победа или смерть». Но германские солдаты не собирались умирать. 4 ноября началось отступление «Африканского корпуса» вдоль побережья на запад. Оно носило организованный характер. Поэтому реляция британского командующего на Ближнем Востоке генерала Александера от 6 ноября, начинавшаяся словами «Звоните в колокола!», встретила сдержанный прием в Лондоне. Там пока воздержались от отдачи соответствующего указания церквям и решили подождать. До конца января 1943 г. английские войска шли по пятам за «Африканским корпусом», отходившим к Тунису. На этом пути, протяжением свыше 3000 километров, боев почти не было, на дорогах, правда, встречалась боевая техника, брошенная противником, но обычно немцы оставляли ее из-за недостатка горючего, а не в результате действий британской авиации.

8 ноября 1942 г. началась высадка англо-американских войск в Алжире и Марокко.

США настаивали на том, чтобы эту операцию — «Факел» — считать чисто американской,

вплоть до того, чтобы одеть в американскую форму британских солдат и проставить американские опознавательные знаки на английских самолетах. В первом эшелоне высаживались 7 дивизий (6 американских и 1 английская), общей численностью в 110 тыс. человек. Для их переброски потребовалось много сотен транспортных судов, прикрывавшихся 650 военными кораблями США и Англии. При транспортировке войск не было потеряно ни одного солдата. Хотя огромные армады отплыли из американских и английских портов в конце октября, англо-американцам удалось сохранить в тайне места предстоявших десантов. Приближение конвоев к Гибралтару, естественно, не укрылось от внимания германской разведки, но выводы, к которым пришли в Берлине, оказались ошибочными. Гитлеровцы ожидали, что конвои направляются в североафриканские порты значительно восточнее, во всяком случае, они пройдут Сицилийский пролив, и соответственно подготовили свою авиацию. Однако десанты высадились в Касабланке, Федале и Рабате (Марокко), Оране, Алжире. Здесь не было войск держав «оси», англо-американцы встретили разрозненное сопротивление французских частей, оказавшихся верными правительству Виши. В последовавших стычках обе стороны потеряли примерно по 3 тысячи убитых и раненых. Хотя Петэн отдал приказ отразить «нападение», французские власти в Северной Африке пришли к соглашению с союзниками, и 11 ноября боевые действия были прекращены. Правительство Виши разорвало дипломатические отношения с США, которые поддерживались вплоть до этого момента.

Гитлеровцы, хотя и просмотрели высадку десантов, в дальнейшем действовали с неожиданной для союзников быстротой. Уже 9 ноября они начали перебрасывать войска в Тунис сначала по воздуху, а затем и морским путем. В ночь с 10 на 11 ноября 10 германских и 6 итальянских дивизий вступили в неоккупированную часть Франции и заняли ее. 26 ноября гитлеровцы сделали попытку завладеть французским флотом в Тулоне. Они заняли береговые батареи и забросали выход из гавани минами». Французские моряки предпочли потопить свои корабли, чтобы они не попали в руки Германии. В Тулоне пошел ко дну 61 военный корабль общим водоизмещением в 225 тыс. т, в том числе 3 линкора и 8 крейсеров. Для гитлеровцев это был тяжкий удар, а англо-американцы испытывали облегчение — если бы французские военные корабли присоединились к сторонникам де Голля, это значительно укрепило бы авторитет Франции. С ней как с великой державой правящие круги США и Англии не хотели считаться. Де Голль комментирует в своих мемуарах события в Тулоне: «Исполненный печали и гнева, я мог лишь следить за тем, как вдали рушится то, что было одним из важнейших залогов спасения Франции, приветствовать по эфиру отдельные героические эпизоды, сопровождавшие бедствие, да принимать по телефону соболезнования, которые великодушно, но не без тайного удовлетворения выразил мне английский премьер-министр».

Германское командование полностью использовало крупный стратегический промах англо-американцев, которые, имея подавляющее превосходство на море, так и не рискнули высадиться в Тунисе. В результате от портов высадки до Туниса было необходимо пройти до 500 км, преимущества морского пути не были использованы. А тем временем в Тунис прибывали все новые германские и итальянские части. В этих условиях заявление генерала Маршалла на совещании у президента в ноябре 1942 г. о том, что Тунис будет занят в «две-три недели», было явно беспочвенным. Однако эта и аналогичные оценки военных побудили глав правительств США и Англии сделать хвастливые заявления. опережая события, Черчилль 9 ноября выступил с на шумевшей речью. Он сказал: «Это не конец. Это даже не начало конца, это, пожалуй, конец начала». Почувствовав, как ему казалось, твердую почву под ногами, британский премьер заявил, имея в виду США: «Позвольте мне, однако, внести ясность в следующий вопрос на тот случай, если кто-нибудь в нем заблуждается. Мы не намерены сдавать своих позиций. Я

стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи». Рузвельт взял слово 17 ноября, заметив: «Кажется, что в войне, наконец, наступил перелом. Но сейчас не время для ликования. Сейчас надо только сражаться и трудиться, чтобы победить». В ближайшие недели американскому президенту и британскому премьеру пришлось отказаться от необоснованного оптимизма. Для этого потребовалось в общем немного: пять германских дивизий, поспешно сосредоточенные в Тунисе, в начале декабря отбросили американские и английские войска на запад от Туниса и Бизерты, вынудив их перейти к обороне. А английская армия, наступавшая из Египта, еще была далеко. Фронт стабилизировался. Союзным войскам предстояли тяжелые бои. Зимние дожди в Тунисе не только размыли дороги, исключив возможность широкого маневра, но и уничтожили надежды на скорое занятие Северной Африки.